

соборов, признанных Восточною Церковью, следовательно, в ее собственных глазах *Западная Церковь не была законно осуждена.*

Пусть она говорит, что Западная Церковь не согласна с канонами Вселенских соборов, бывших до разделения Церквей! Но Западная Церковь признает сии Соборы и утверждает, что она с ними согласна. В сем споре всякое решение будет частным и, следовательно, ничтожным до нового Вселенского собора! Но если бы и был созван теперь Вселенский собор, по каким несомненным признакам узнает Восточная Церковь в нем истинный и законный Вселенский собор? Почему Собор Лионский и Собор Флорентийский не Вселенские соборы? Какой канон, какой закон запрещает сыну Восточной Церкви признавать их Вселенскими соборами?

Еще одно слово. Со времени последнего Вселенского собора, признаваемого ею, Восточная Церковь не вмещает в себе живой власти. Знаю, что она почитает сие ненужным, но не менее того, должно из сего вывести, что она утверждается единственно на Св. Писании, как протестанты, и на канонах прежде бывших Соборов, которые составляют *предание писанное.* Кто может толковать оное с достаточной властью? Отвергая непреложность Римской кафедры, тем самым Восточная Церковь отвергает и непреложность всякой другой кафедры, в особенности как, например, Антиохийской или Константинопольской. Следовательно, в отсутствии Вселенского собора решительное и окончательное толкование Св. Писания и писанного Предания возлежит на частном рассудке, что есть зло, подобное состоянию протестантизма, с тем только различием, что у протестантов частный рассудок опирается на одну книгу, а в Восточной Церкви на две книги.

Увидим в другой раз, как наш автор доказывает, что власть Папы от человека, а не от Бога.

<Письмо 2-е Ю. Ф. Самарину>

Париж, 26 февраля 1842 года

В первом письме я сообщил тебе мои примечания на предисловие *Правды* и изложил некоторые мысли о взаимном положении двух Церквей.

Ты помнишь цепь, которой я уподобил ряд доказательств, приводимых Католическою Церковью. Сегодня мне предлежит обязан-

ность рассмотреть мысли нашего автора о первом звене этой цепи, о первенстве апостола Петра и об обещаниях, сделанных ему Иисусом Христом.

Но прежде нежели приступить к этому вопросу, я должен тебе напомнить, что я здесь не беру на себя обязанности доказывать справедливость притязаний Римской Церкви. Я ограничиваюсь разбором книги г. Муравьева. Он нападает, он отрицает, я рассматриваю, прав ли он в своих нападениях. Может быть, если бы даже он разрушил все доказательства, о которых он упоминает, осталось бы довольно тех, о которых он умалчивает, чтобы утвердить законность прав, которые себе приписывает Римская Церковь. Может быть, также есть другие доказательства против Римской Церкви, о которых он не говорит и которые непобедимы. Об этом я рассуждать не могу и поставляю себе пределами те пределы, которые он сам поставил.

Наш автор будет часто приводить свидетельства из св. отцов. По сему поводу он делает рассуждение, которое я не могу пропустить без примечания.

На второй странице он говорит: «Доколе какое-либо лжеучение не вкрадывалось в чистый догмат веры, св. отцы говорили о нем с большой свободой, не подозревая, но при малейшем покушении затмить истину они становились чрезвычайно осторожными и пр.» Что все это значит? Лжеучение не может вкрадываться в чистый догмат веры, потому что чистый догмат веры, в который бы вкралось лжеучение, не только не был бы чистым догматом веры, но вовсе перестал бы быть догматом, а св. отцы не стали бы говорить о нем с осторожностью, а предали бы его анафеме, потому что всякая примесь лжи в истине есть ложь, а лжи в догмате не может быть никакой.

Наш автор остался бы в пределах истины, и лжеучение не вкралось бы в его предложение, если бы он сказал, что должна признавать постепенное развитие во внешнем исповедании веры. Но это совсем иное, и я постараюсь как можно ярче осветить эту истину, потому что она чрезвычайно важна.

Церковь в разные времена определяла догматы веры, но из этого не следует, что она прибавляла новые догматы, не существовавшие прежде. Они всегда были, но только не были определены. Вера не арифметическое сложение некоторых истин. Истина, принесенная на землю Иисусом Христом, проповедуемая и хранимая основанною Им Церковью, есть нечто единое, самостоятельное, к которому нечего прибавить, от которого ничто отнять нельзя. Но она находится среди мира, а в мире обитает ложь, беспрестанно восстающая на Истину. Всякий раз, что является ложное учение, Церковь объявляет оное ложным и, так сказать, определяет грань между Истиною и Ложью.

Истина едина, но ложь бесчисленна, и при каждом нападении лжи Церковь не определяет истины в особенной предмете; но «при малейшем покушении затмить истину» — чтобы говорить словами нашего автора — Церковь рассматривает новое учение, сравнивает оное с сокровищем Божественной истины, порученным ее бдительному хранению, и определяет: что истина и что — ложь, в особенном предложении. Ложь отрицает, Церковь в ответ утверждает. Вся история ересей служит ясным доказательством тому, что я говорю. Учение Ария не было положительно осуждено Церковью до Ария, но до Ария и прежде нежели кто-либо помышлял проповедовать его ересь, она была противна Учению Церкви. Таким образом, истина всегда пребывает единою, а между тем беспрестанно развивается, но только в отношении внешнем; и так как можно доказать, что в таком-то веке такой-то догмат не был развит, не был определен Церковью, то из этого нельзя заключить, что он ложный. Напротив, нельзя сказать, чтобы какой-либо догмат, некогда определенный Церковью, когда-либо перестал быть истинным.

После этих предварительных примечаний рассмотрим что автор доказывает касательно первенства апостола Петра и особенных, сделанных ему Иисусом Христом обетований. Но здесь я остановлен немаловажным затруднением: я не знаю, что хочет доказать г. М. То он признает первенство апостола, то старается оспаривать у него оное, но нигде ясно не выражает своей мысли. Однако из некоторых слов его могу догадаться, что он признает первенство, но отличает оное от господства, в котором отказывает апостолу. Не знаю в каком смысле г. М. принимает слово «господство», но знаю то, что Католической Церкви нужно только доказать, что св. Петру дано было более, нежели другим апостолам, и что мыслию первенства была сопряжена мысль власти и мысль неколебимости в вере.

Г. М. из многих мест Евангелия, приводимых Католической Церковью, приводит только два: одно из Евангелиста Матфея о камне, основании Церкви, и ключах царствия, и другое из Евангелиста Иоанна о пасении стада. Ограничусь и я этими двумя местами.

Вот слова Матфея.

«Пришед же Иисус во страны Кесарии Филипповы, вопрошаше ученики своя, глаголя, кого мя глаголют человецы быти, сына человеческого? Они же реша, ови убо Иоанна Крестителя, инии же Илию: друзии же Иеремию, или единого от пророк. Глагола им Иисус, Вы же кого мя глаголете быти? Отвещав же Симон Петр рече: ты еси Христос, сын Бога живаго. И отвечав Иисус рече ему: блажен еси Симоне, бар Иона, яко плоть и кровь не яви тебе, но Отец мой, иже на небесех. И аз же тебе глаголю, яко ты еси Петр, и на сем камени созижду Церковь мою,

и врата ада не одолеют ей. И дам ти ключи царства небесного: и еже аще свяжеш на земли, будет связано на небесах; и еже аще разрешиши на земли, будет разрешено на небесах».

(Мф. 16: 13–19)

Я привел слова так, как они напечатаны в Московском издании Библии на славянском языке. Греческие слова «оти су ей Петрос» гораздо ближе переведены «яко ты еси Петр» нежели «Ты Петр».

По прямому смыслу сего места Христос обещает, что Церковь Его будет нерушимою во веки, основанием ей полагает апостола Петра, и в утверждение Он изменяет имя «Симон» в имя «Петр», что значит камень. Сверх того обещает ему дать ключи царства небесного с такою властью, что то, что он свяжет на земле, будет связано на небесах, и что он разрешит на земле, будет разрешено на небесах.

Г. М., кажется, разумеет сие место иначе. По его толкованию выходит, что основанием Церкви полагается не Петр, а исповедание веры в Господа Иисуса Христа (стр. 4) или Христос, Сын Бога Живого, исповедуемый Петром (стр. 9), о перемене имени и наложении на апостола Симона Иисусом Христом имени Петра, а власть ключей он изъясняет общею всем апостолам.

Но я знаю, что мое личное толкование не имеет более веса, нежели толкование г. М.; посмотрим же, как толковали св. отцы, приводимые в свидетельстве г. Муравьевым.

Он начинает с Златоуста. Выпишем собственные слова автора, чтобы показать, как он иногда странно рассуждает.

«Продолжая изъяснять обещание ключей царства небесного тому же апостолу (Петру), — говорит наш автор на странице 4, — Златоуст, хотя и называет его верховным, не домогается, однако же, доказывать сим текстом, как западные писатели, преимущество Петрово над прочими учениками, а только власть Сына Божия, равного во всем Отцу, *ибо сие было главною целью проповедника*, лицо же Петрово смешивает он с другими апостолами».

Если бы Западная Церковь оспаривала власть Сына Божия, равного во всем Отцу, я понял бы силу этого текста. Но о власти Сына Божия нет спора. Спор о первенстве апостола Петра и Златоуст, по собственному признанию автора, имея здесь главною целью власть Сына Божия, говорит о первенстве апостола Петра как бы мимоходом. Если сие первенство (было) не главною целью Златоуста, это, вероятно, потому, что тогда не было о том спора и не было нужды о сем распространяться. Мы не знаем, что бы сказал Златоуст, если бы первенство Петра было главною его целью в сем месте, но когда внимание его обращено на совсем другую сторону, вот что он говорил.

«Господь обещает ему даровать то, что, собственно, принадлежит единому Богу, а именно: разрешать грехи, сделать Церковь неколебимой среди всех волнений и простого рыбака явить крепчайшим всякого камня, когда восстанет вселенная. Подобным образом и Бог Отец сказал, беседуя с пророком Иеремией, что полагает его как столп медный и как стену (Иер. 1: 18), но Иеремия поставлен был для единого народа, а Петр для целой вселенной. Хотелось бы мне спросить тех, которые унижают Сына, какие больше дары: те ли, которые дал Отец, или те, которые дал Сын?» (Бесед. на Матф. 54; *Правда*, стр. 4 и 5).

Хотелось бы и мне спросить тех, которые унижают Петра, как они понимают смысл этих слов Златоуста? Он так мало сомневается в величии даров, данных Иисусом Христом св. Петру, что он их приводит в свидетельство величия Сына Божия. Великолепные выражения Златоуста остаются славным памятником древней веры Восточной Церкви, какой бы паутиной не старался г. М. затмить их блеск!

Но поучительно послушать и г. М. Что он говорит? Что вслед за обещанием, данным Петру, Христос говорит вообще о проповеди всех апостолов! Но я доселе не слыхал, чтобы кто-либо оспаривал, что были другие апостолы, кроме Петра, и что Господь послал их проповедовать свое Евангелие. Я никак не могу видеть тут противоречие; но наш автор хотел, чтобы Господь тут стал говорить о господстве Петра над апостолами. Дело не о том, какие бы слова г. М. желал слышать от Иисуса Христа, но о том, как можно разуместь те слова, которые Христос произнес, как их разумела Церковь и как их толковали св. отцы.

Далее наш автор утверждает, что Златоуст употребляет равносильные выражения и о других апостолах и обещает нам их показать. Увидим. Но заметим, однако, что здесь не простые выражения почитания и удивления Златоуста об апостоле, но слова Христовы, положительные обетования Христовы, толкованные в этом смысле Златоустом.

Наш автор делает еще одно довольно странное примечание. «Спаситель, — говорит он, — не сказал *даю* тебе, но *дам* тебе (курсив наш. — *Сост.*) ключи царствия небесного». Конечно, надобно было чтобы Господь искупил мир от греха Своею смертью прежде, нежели дать власть вязать и решать грехи, «но», как превосходно изъясняется Боссюэт¹, «обетования Христовы непреложны, как и дары его». И обетование имеет такую же силу, как и дар. И если по воскресении Своем Христос сказал всем апостолам: «якоже посла мя Отец и аз посылаю вы; и сие рек, дуну и глагола им: приимите Дух Свят; имже отпустите грехи, отпустятся сим и имже держите, держатся» (Ион. 20: 21–23), то здесь нет противоречия и вторые слова Господни не разрушают первых.

Должно, однако же, заметить, что здесь не упоминает Христос о камне, основанием Церкви. Петр не один апостол и не один составляет Церковь, но она на нем зиждется. В сем месте апостолы представляют всю Церковь и Петр с ними, а прежде один Петр знаменовал всю Церковь, представляя ее единство.

Посмотрим теперь, что говорит блаженный Августин. Г. М. довольно полно привел выписки из его творений, хотя, мне кажется, превратно понял их смысл. У святого Августина встречаются два толкования о сем месте Евангелия и он сам говорит о них: «Из сих двух толкований пусть избирает читатель». В одном он изъясняет, что камень есть Петр, и видно, не находит в сем толковании никакого затруднения, потому что позволяет читателю избрать оное. В другом он говорит, что сей камень не Петр, а Христос, Сын Бога живого, которого исповедал Петр, а причиною он приводит то, что Симону не сказано было: *ты еси Камень*, но: *ты еси Петр*.

В изъяснение уже приведено было, что св. Августин не знал сирийского языка, на котором говорил Христос и на котором *кифа* значит *камень*, следовательно, *ты еси Камень* или *ты еси Петр* — одно и то же. Но не будем спорить об этом. Положим, что второе толкование Августина удовлетворительнее первого, и посмотрим, как, изъясняя его, он говорит о Петре.

«По обильнейшей благодати он один и вместе первый апостол. Но когда ему сказано было: “Тебе дам ключи царствия небесного и пр.”, тогда знаменовал он вселенскую Церковь, которая... потрясается и не падает, поелику основана на камне, от коего Петр получил имя. Не от Петра камень, но от камня Петр, так как не от христианина именуется Христос, но от Христа — христианин. Господь сказал: “На сем камне созижду Церковь мою” поелику Петр сказал: “Ты еси Христос, Сын Бога живого”, т. е. на сем камне, который ты исповедал, созижду Церковь мою, “камнем же был Христос, на каком основании утвержден и сам Петр, ибо никто не может положить иного основания, кроме положенного, которое есть Христос”. И так Церковь, утверждаемая на Христе, от него приемлет в лице Петровом ключи царствия, т. е. “*власть вязать и решить грехи*” (стр. 4). Итак, Петр, от сего камня названный, образует собою лицо Церкви, основанной на камне, и приемлет “ключи царства”» (стр. 9).

Сими словами Августин не только свидетельствует первенство Петра, но даже, что он образует собою лицо Церкви, что он приемлет имя свое от камня, на котором основана Церковь, и что ему вручаются ключи царствия, что одно и то же, только другими словами. А что Христос есть основание Церкви, о том не может быть спора, потому что и по другому толкованию, что камень есть Петр, он все

полагается основанием не иначе, как по исповедании: ты еси Христос, Сын Бога живого, и несомненно, что он не мог бы быть камнем, если не исповедовал бы Христа.

В другом месте Августин сравнивает Петра и Иоанна. Его слова так примечательны, что я спишу вполне все, что приводит из этого места г. М.

«Никто да не разделяет сих двух именитых апостолов, ибо и то, что знаменовал Петр, оба они были, и то что знаменует Иоанн, оба имели быть. Знаменательно следовал за Христом Петр и оставался Иоанн; веруя же оба терпели бедствия настоящего убожества и ожидали благ грядущего блаженства. И не они одни, но то же исполняет и вся Святая Церковь, обуреваемая здешними бедами, сохраняемая для будущих благ. Петр и Иоанн образовали собою две жизни, временную и вечную. Оба истинно и знаменательно ходили верою во времени и оба наслаждаются ею в вечности. Таким же образом для всех святых, нераздельно принадлежащих к телу Христову, ради управления бурной сей жизни, принял с ключами Царствия небесного власть вязать и решить первый из апостолов, Петр; и для сих же святых, ради сладостного покоя той таинственной жизни, возлежал на персях Христовых евангелист Иоанн. Посему не Петр один, но вся Церковь вяжет и решит грехи, и не один Иоанн почерпнул на истинном лоне Господнем тайну о безначальном пребывании Слова у Бога, и о Божестве Христове, и троичности и единстве Божества, но Сам Господь излил Свое Евангелие по всему миру, дабы каждый черпал из него по своей удобоприемлемости» (*Правда*, стр. 8).

Я с г. М. восклицаю: какое великолепное сравнение и толкование! Но когда он прибавляет чуждое всякой мысли властительства Римского, я принужден сказать, что он не понял ни мысли властительства Римского, ни мысли Блаженного Августина.

Великий епископ Гиппонский не говорил, чтобы Петр был Иоанном, а Иоанн Петром, это просто было бы нелепо. Он изъясняет нам Церковь. Собрание святых, заключающую в себе и Церковь видимую на земле, и Церковь невидимую, торжествующую на небесах, и раскрывает нам таинственные узы, которыми отдельная жизнь каждого сливается в одну общую жизнь Церкви. Сию высокую мысль он нам толкует примером. Не все святые действительно возлежали на лоне Господнем на Вечери тайной, возлежал один Иоанн, но в лице его и все святые вяжут и решат грехи, держит ключи Царствия небесного один Петр, но в лице его все святые, и Петр действует один как представитель и орудие всей Церкви, видимой и невидимой. Вот ясный и высокий смысл слов св. Августина, вот также учение Католической Церкви о власти Петра и его преемников. Если бы г. М. вникнул в глу-

бокий смысл этого учения, власть Римского епископа перестала бы казаться ему так чудовищной, и он постиг бы всю Божественную гармонию устройства Церкви.

Другое заключение, которое можно вывести из приведенного места св. Августина есть то, что ничего не доказывает, чтобы Петр был больше Иоанна в Царстве небесном, они оба велики в глазах Божьих. В чем же состоит первенство Петра? В первенстве власти, и так падает различие, сделанное г. М., между первенством и господством. Ничто также не доказывает, чтобы преемники св. Петра были больше других епископов или других верных, сопричтенных к лику святых. Они больше единственно властью, и то единственно, пока пасут стадо Христово, видимую Церковь на земле, но зато на них и большая ответственность и больше от них будет требовать Верховный Судия.

Все это мне кажется так ясным, что я почитаю излишним рассматривать отдельно все другие тексты, на которые опирается наш автор, и к которым легко применяется все уже сказанное мною.

И так, любезный друг, я кончаю здесь это длинное письмо и надеюсь в следующем окончить все, что касается до первенства апостола Петра.

